

Ковалева М.С.

Эволюция понятия «риск»

В этой статье мы сделаем попытку проанализировать исторические изменения, касающиеся того, что вкладывалось человеком в содержание понятия «риск» в разные эпохи, какие реальные процессы в развитии человечества привели к этим изменениям, в контексте каких научных понятий осмысливался риск как таковой.

На предварительном уровне можно выделить три типа и одновременно исторических вида риска по определяющему признаку его содержания: риск *естественный*, *цивилизационный* и *глобальный*. (Сразу же следует отметить, что исторические виды не есть исторические стадии, сменяющие друг друга, но появившиеся в дополнение к естественному, всегда сопровождавшему и сопровождающему индивида и группу индивидов.) Характеристика каждого типа включает риск взаимоотношений человека с природой, риск взаимоотношений внутри социума, риск применения технических средств в деятельности человека и риск взаимоотношений общества и государства, а также государств между собой.

Риск естественный.

Эпоха (сколь угодно далеко уходящая вглубь веков) первозданного хаоса человеческого существования, характеризующегося отсутствием государственности, с одной стороны, и атомизированным человеком — с другой, когда каждый оказывается «один на один» перед всевозможными проблемами и «против всех» за свое выживание, когда каждый имеет естественное право предпринимать все возможное для самосохранения. *Взаимоотношения человека с природой* в таких условиях предельно ясны: природа одновременно среда обитания, источник средств существования, но и источник опасности, постоянная угроза в виде болезней, диких зверей, стихий, холода и голода, то есть фактор риска. *Неразвитость социальных отношений* означает, что риск — удел каждого индивида в отдельности. Здесь возможны такие формы риска, как неподчинение семейной, сословной субординации, личные психологические свойства индивида (конфликтность, авантюризм и т.п.), физическая слабость, болезненность и пр., возможность стать жертвой криминального действия другого. *Политический риск* при решении вопросов, затрагивающих какую-то совокупность людей (о войне, о переселении, о постройке общих укреплений и пр.), также носит атомарный характер в том смысле, что принимается главой семьи, клана, племени и даже царем под личную ответственность (особый случай составляет государственная и правовая римская система). Хотя особенность политических решений, связанных с риском, всегда заключается в том, что они ставят под угрозу личные интересы многих.

* Ковалева Марина Самуиловна, главный специалист Рабочего центра экономических реформ при Правительстве Российской Федерации

© Ковалева Марина Самуиловна, 2002 г.

© Центр Фундаментальной Социологии, 2002 г.

В сознании человека естественный риск, в только что указанном его понимании, мог восприниматься как чисто случайная случайность в хаотическом потоке событий, где жизнь отдельного человека неразличима и так же случайна, как и ситуация риска, в которой он оказался; или как предначертанная необходимость (фатальность); или как наказание за грехи, божье испытание. На том уровне конкретных знаний, общих представлений о мире и религиозности (как языческой, так и христианской) осознание риска не могло выйти за пределы понимания его как чего-то внешнего по отношению к человеку и соответственно формировало определенную установку в индивидах. Она выражалась в том, что человек в любом очевидно рискованном деле уповал на волю божью, судьбу, удачу, собственную силу и ловкость, а в качестве мер предосторожности он мог обзавестись какими-то средствами защиты (они же средства нападения) и заручиться чьей-то помощью.

В теоретическом осмыслении естественный риск, видимо, следует рассматривать в рамках концепции мира как многофакторного сочетания множества самых разных социальных, природных, предметных элементов, находящихся в постоянной динамике взаимоотношений и внутри себя (некая аналогия броуновского движения). Риск в таком мире — его естественно присущее, неотъемлемое свойство, которое хотя и является угрожающим фактором для равновесия и устойчивости существования каким-то частям этого мира в разных его точках одновременно, но он как бы предусмотрен самим устройством мира и, угрожая отдельной части, риск в то же время — один из факторов, обеспечивающих гармонию и целостность мира в целом. Стремление человека, обладающего разумом, упорядочить первичный хаос бытия, предусмотреть максимальное количество обстоятельств своего будущего предприятия или деятельности, учесть все возможные перспективы развития событий и на основе этого принимать решения, является составной частью такого мира. Именно это естественное стремление человека подстраховывать риск своей деятельности привело в период развития свободной мировой торговли к появлению особой отрасли знания (калькуляции риска), особого дела (страхования судов, отдельных путешествий), которое по определению предназначалось для разделения ответственности за риск отдельного лица. Появилась первая осознанная, социально значимая форма упорядочения естественного риска, попытка проникновения воли человека в само устройство мира с целью его корректировки. В эпоху Просвещения в науке проблема риска как стечения неблагоприятных случайных обстоятельств и угроза благополучному исходу отдельного предприятия или действия получила освещение в вероятностной математике, описывающей вероятность актуализации случайного события — выпадения белого или черного шара в многочисленных сериях опытов с множеством шаров, проводимых в одних и тех же условиях (то есть количество факторов, влияющих на исход, искусственно сведено до минимума и тождественности предыдущим и последующим, чего в реальном мире не бывает). Но тем не менее движение социального мира в сторону развития договорных отношений между людьми и между обществом и государством, в связи с обсуждаемой темой, можно рассматривать как попытку унифицировать формы человеческого взаимодействия, то есть создать одинаковость исходных условий для этого взаимодействия и, соответственно, поставить участников в равное положение относительно его срыва, актуализации риска и возможного ущерба для его участников.

Риск цивилизационный.

Естественный баланс сил в социальном и природном мире нарушился с развитием индустриальной цивилизации. Постепенный переход от трудовой производительной деятельности человека в пределах натурального хозяйства к

промышленному производству и освоению природных ресурсов означал переход от самообеспечения своего выживания и выживания своей семьи к разделению труда и массовому производству отдельных видов товаров для свободного обмена на нужную продукцию иного рода через универсальное средство — через деньги, к дальнейшей формализации человеческих отношений. С точки зрения рисконасыщения человеческой деятельности и жизни этот переход очевидно вел к усложнению общественного устройства, к усилению хаоса, беспорядочности движения и увеличению разнообразия направлений движения социальных и экономических агентов и, соответственно, к повышению значения риска как фактора жизни и деятельности отдельного человека.

Поменялось *отношение к природе* — постепенно человек перешел от положения зависимого от природы и защищающегося от нее существа к роли захватчика ее богатств, в конечном счете, к роли ее укротителя. (Конечно, наглядность этой замены проявилась лишь на стадии развитого индустриализма, условно можно указать вторую половину XIX века.) Расширение масштабов разработок ископаемых, производства многочисленных отраслей промышленности, массовизация занятости, развитие технического снаряжения человеческого труда (от мускульных орудий труда и средств передвижения к механизмам на паровой, затем электрической тяге, к скоростным средствам передвижения) применительно к риску означали: количественное наращивание естественного риска, появление новых видов, среди которых самое заметное место занял технологический; массовость втянутых (в том числе и без их ведома) в ситуацию риска людей как константной характеристики; и, наконец, провокацию природных катаклизмов сверх того, что, так сказать, заложено в естественном ходе планетарных событий.

В социальном мире в ходе модернизации или становления обществ современного типа произошли кардинальные изменения: ломка сословного деления, классовое расслоение в эпоху первичной индустриализации по отношению к средствам производства, а позднее расслоение по уровню дохода, образованию, роду занятий, близости к власти и высшим культурным ценностям; развитие социальных отношений (в прямом значении этого понятия) между индивидами, индивидом и группой, индивидом и организацией, между организациями и т.д. на основе нравственных норм поведения, социальных институтов (включая институт договоров и взаимных обязательств), а также принятых в данном конкретном сообществе общих правил, привычек, стилей (в одежде, речи, манерах). Именно на основе разделяемых всем обществом институтов, норм поведения в различных публичных, деловых и повседневных ситуациях строятся оценки и ожидания участников взаимодействия, обеспечивается адекватная реакция одного из них на действия другого. Кроме этого следует отметить рост народонаселения (зафиксированный еще в первой половине XIX века), который стал ответом на массовое производство пищи, одежды, строительство жилья в развивающихся городах. В принятой нами системе координат (хаос пересечения множества случайностей) такие условия ведут к усилению хаоса, поскольку безмерно возросло множество агентов действия и его материальных компонентов, причем это множество не просто расширилось количественно, но стало предельно насыщенным несопадающими и противоречащими друг другу волеизъявлениями отдельных индивидов — в броуновское движение социального бытия вовлекались все большие массы людей, принимающих ответственные решения в своих действиях (в отличие от поддающегося подсчету количества таких индивидов, к тому же делающих выбор и за других, в условиях естественного риска). Риск стал явлением массовым в том смысле, что в одной ситуации риска часто оказывается статистически значимая совокупность индивидов. К риску индивидуальному добавился

риск социальный в виде массовых форм протеста, мировых войн, революций. Индивидуализация субъектов поведения (отличная от атомарного положения человека перед лицом естественного риска) вкупе с утверждением культа человеческого разума, противостоящего Провидению, Природе и направленного на исправление ошибок того и другого, привели со временем к появлению таких форм социально-политического риска, как терроризм и тоталитаризм (соответственно XIX и XX век). Иными словами, в социальной сфере процесс модернизации, унификации, формализации человеческих взаимоотношений, который, казалось бы, прямо направлен на понижение риска их срыва, привел к расширению области действия риска и его рассеивание на людей, никакого отношения к данному рискованному мероприятию не имеющих.

В области политической уже указанное проникновение в государственное управление культа разума первоначально, на ранней стадии развития индустриальной цивилизации, особенно во времена Просвещения, связывалось с оптимистичной надеждой на рациональное обуздание своеволия монарха (мечта о просвещенном монархе), ставшее возможным на основе добытых людьми знаний о данном Богом миропорядке и внедрения этого знания в сферу принятия политических, то есть государственных решений. Отсюда становление парламентских форм правления как распределение ответственности с дальнейшим разделением ветвей власти, выработка системы сдержек и противовесов (подстраховка общества в целом от вероятного риска принятия одной из властных структур социально опасного решения). Вера европейского общественного сознания в обязательность прогресса, понимаемого как постепенное улучшение положения отдельного человека (из чего, предполагалось, складывается благополучие всего общества), ставила перед государством и законодательскими институтами соответствующие цели борьбы с голодом, холодом, болезнями, с антисанитарией жилых и рабочих помещений — с бедностью со всем комплексом сопутствующих ей явлений в разные исторические периоды. Эта благородная цель обезопасить человека относительно элементарных условий жизни, помочь ему в его естественном стремлении к выживанию довольно скоро трансформировалась в цель облагодетельствовать человека сверх этого минимума и привела к активному экспериментированию в поиске иных, новых, более научных, более правильных форм государственного правления. Что не однажды обернулось гибелью огромного числа людей по воле «правильного» государства.

Политический риск в эпоху индустриальной цивилизации, так же как природный и социальный, многократно вырос. Не последнюю роль в этом сыграло техническое оснащение силовых государственных структур, но не в меньшей степени это произошло в связи с проникновением в высшую политическую сферу человеческого фактора, не в смысле перевеса частных интересов, когда благо страны, народа остается за бортом политического корабля — этот фактор присутствовал всегда и неистребим, естествен для человека, или простой человеческой ошибки, а в смысле действующего политика высшего эшелона, одержимого воплощением «великой» идеи (почерпнутой само собой из арсенала научного знания) и сознательно идущего на риск и прямую гибель одних людей сейчас ради «светлого», а главное правильного благополучия всех других в неопределенно отдаленном будущем. Иными словами, борьба с волюнтаризмом в политике (содержащим в себе риск для общества) привела в определенный момент к гиперволюнтаризму тоталитарных вождей (смертельному для общества).

Во второй половине XX века, во время, получившее название гипериндустриализма, появился *новый вид риска* (уже упоминавшийся в связи с отношениями с природой в эпоху индустриальной цивилизации) — *технологический*. Если на ранних стадиях индустриального развития он был привязан к новым

техническим средствам труда, к новым технологиям производства, опасным для человека, прежде всего участвующего в этом процессе, и параллельно с техническим обновлением человеческий ум довольно быстро стал разрабатывать подстраховку этого риска в виде правил пользования, экспертизы прочности и пр., то после появления сверхсложных технологий (типа АЭС, некоторых военных и химических производств) технологический риск вышел за пределы отдельного, локального устройства, места расположения производства — он стал постоянным фактором угрозы обществу, человеку и природе. Иными словами, он вышел за пределы компетенции такой отрасли знания, как техника безопасности, и стал проблемой социальной, экологической и (как очень скоро выяснилось) глобальной.

Итоги индустриальной эпохи оказались очевидно неоднозначными. С одной стороны, голод безусловно преодолим (пищи производится в мире с избытком, вопрос в перераспределении, которое так или иначе осуществляется мировым сообществом); холод в принципе (если исключить халатность человеческую в подготовке к сезону) тоже проблема решаемая, повседневная; с болезнями эпидемиологического характера человечество также научилось успешно бороться (хотя они не исключены вовсе из списка угроз); человек добился также того, что по крайней мере многие, если не все, природные стихии стали предсказуемыми, а значит теоретически имеется шанс избежать фатальности человеческих жертв (путем предупреждения населения, строительства сейсмоустойчивого жилья, дамб пр.). Но, с другой стороны, наличествуют такие не менее очевидные для всех, столь же не требующие доказательств, явления, как новые социально ощутимые болезни (научились побеждать чуму и холеру, венерические заболевания и туберкулез, а XX век с его ускорениями, загрязнениями, стрессами возвел в ранг социальных проблем заболевания психические, онкологические, сердечно-сосудистые, аллергические и, наконец, озадачил СПИДом); и, наконец, неустранимые тайфуны, смерчи, землетрясения, неподвластные никакой технологии и по-прежнему таящие в себе угрозу для человеческой жизни и катастрофический материальный ущерб даже, если хорошо работает служба метео и геопргноза. Такая двойственность итогов индустриальной цивилизации указывает на тщетность попыток человека с помощью знаний и технических средств минимизировать риск. Этот неутешительный вывод, сделанный относительно традиционных видов риска, становится более зловещим, если к нему присовокупить технологический риск, выросший в недрах технического обеспечения безопасности. Уже гибель «Титаника» (начало XX века) можно было толковать как сигнал ошибки напрямую связывать техническое совершенство, комфортность, дизайн технического объекта с его безопасностью. Чернобыль и «Курск» (конец XX века) утвердили мысль о том, что создатели сверхсложных технологий, несмотря на наличие N степеней защиты от множества просчитанных потенциально аварийных ситуаций, не имеют права утверждать, что они гарантируют штатную работу их детища в течение всего срока его функционирования, что риск элиминирован и приближается к нулю, поскольку эти катастрофы представляют собой то, что *не могло случиться* (по соображениям технической рациональности). Человеческий ум, даже в его коллективной форме, может предвидеть и разработать средства против действия некоторых причин, грозящих катастрофой, но предугадать роковое стечение обстоятельств (конstellацию вполне случайных факторов) — внешних, природных в виде айсберга в случае с «Титаником» или внутренних в виде издержек управления или человеческого фактора в случае Чернобыльской АЭС — не может. И никакое умножение, усложнение, удорожание, усовершенствование защитных механизмов не снимет этой неспособности. Все это подводит к выводу, что индустриальная эпоха заканчивается под знаком наращивания риска как такового или всевозможных рисков.

В сознании человека цивилизационный риск вплоть до Чернобыля воспринимался как необходимая плата на пути прогресса, движения к лучшему существованию всех и каждого в отдельности. Риск оправдывался будущим благополучием, справедливостью, свободой — тем, что в коммунистической идеологии называлось «светлым будущим». Провалы, неудачи расценивались с точки зрения временной неполноты знаний или побочного заблуждения человеческого разума, понятных и легко прощаемых человеком, абсолютно верящим в могущество научного знания, в возможность дойти «до полной учености». Риск уже не простая константная случайность, которой можно избежать простым способом не ввязываться в рискованное предприятие, а величина константно необходимая, в каждом случае имеющая вероятностное измерение своей актуализации, но независимая от воли отдельного человека не принимать участия в чем-то или получше подстраховаться. Последнее возможно только в отношении отдельных видов риска (выходить из дома в пургу или нет, лететь на самолете или ехать автобусом и пр.). В позднецивилизационную эпоху средний (в смысле развитости, доходов, доступа к информации) человек осознает, что живет в рисконасыщенном мире и что такое положение вещей не зависит от его желаний, а часто и не имеет выбора. Например, он живет в заведомо неблагоприятной местности, с загрязненной водой и воздухом, но частным образом не может ни оздоровить ее, ни переехать; или работает на вредном производстве без соответствующих компенсаций, поскольку просто-напросто другой работы нет. Если человек в эпоху естественного риска жил, довольно спокойно реагируя на его присутствие в мире, принимая его как данность свыше, то в конце индустриальной эпохи совокупный цивилизационный риск, сотворенный самим человеком, воспринимается им как неизбежное зло, которого нельзя избежать.

Научное осмысление цивилизационного риска вышло далеко за пределы общего вероятностного определения этого явления. Во-первых, качественные изменения в условиях обитания человека, во-вторых, появление принципиально новых сверхсложных производств и технологий, в-третьих, небывалые процессы международного сотрудничества, международного разделения труда и международной кооперации привели к расширению научных отраслей, занимающихся отдельными аспектами проблемы рисков. Помимо всевозможных рисков страхования появились исследования финансовых рисков (как в масштабах национальных экономик, так и в масштабах мировых финансовых рынков), рисков управления и, наконец, исследования, получившие название «оценка технологического риска». Фактическое удвоение природы или создание антиприроды, ставшее результатом разворачивания индустриальной цивилизации, которое выразилось в виде статичной материальной среды (производственных помещений, складов, передвижных емкостей — «контейнерной» природы) и динамичного накопительного загрязнения основных природных компонентов (земли, воды, воздуха), в последней четверти XX века привело к пониманию недостаточности предварительной калькуляции риска в чисто техническом направлении. Что, в свою очередь, привело к повсеместному (по разным странам и континентам) распространению исследовательских независимых структур по оценке технологического риска новых технологий и отдельных объектов, предшествующей их внедрению. Это означало не только проведение конртэкспертизы проектов (до этого в документации проекта наличествовала обязательная экспертиза всех его узловых компонентов в рамках техники безопасности), но и расширение экспертизы за пределы внутренних взаимоотношений этих узлов между собой в сторону взаимоотношений будущего объекта или технологии с внешней средой, с обществом, с политическими и нравственными ценностями общества и отдельных людей, чьи интересы так или иначе этот проект затрагивает. Отсюда началась

переоценка роли специалиста, который решал вопрос о безопасности внедряемой технологии исключительно на основе знаний и расчетов своей узкой специальности, не допуская к обсуждению не только профанов, которые потом возможно будут работать или жить рядом с новым объектом, но и специалистов смежных и вообще других, точнее чисто гуманитарных или естественных — не технических наук. Так получалось, что, по мнению некоторых физиков-ядерщиков, химики-ядерщики не могли высказываться и тем более настаивать на своем при решении вопросов о безопасности реактора. Вместе с переоценкой представлений об абсолютной ценности и абсолютном благе научно-технического движения, постепенным отказом от понятия «прогресс», описывающего движение истории и техники, отходом от тотальных ценностей потребления шло осознание важности вопроса о цене риска. Риск стал постоянной заботой общества и среди прочего послужил стимулом к пересмотру самых общих, «святых» представлений о возможностях науки, техники, человеческого разума. Основной сдвиг в научном обслуживании рисков, происшедший в конце индустриальной цивилизации, можно охарактеризовать таким образом: совершился переход от простой калькуляции риска к его оценке. Оценка включает в себя помимо учета технической, формальной рациональности и рациональную, нравственную, которая не поддается точной калькуляции в общезначимых единицах.

Риск глобальный.

Эпоха постмодерна в науке, постиндустриальных ценностей в обществе, начала XXI века и начала III тысячелетия сопряжена с принципиально новым статусом риска в мире в целом, связанным с тем, что мир в планетарном масштабе оказался в необратимой ситуации неизбежного риска после кумулятивного перенасыщения планеты последствиями техноиндустриальных, природных катастроф и человеческих ошибок. Из величины вероятностного свойства он превратился в определяющую характеристику человеческой жизни — перед человеком вновь встала задача выживания и адаптации к новым условиям. Каждый случай индивидуального или массового, природного или техногенного риска проявляется теперь на фоне глобального риска, который означает простую вещь — на планете Земля нет ни одного укромного места, о котором можно утверждать, что оно стопроцентно экологически и социально чистое и безопасное (установленный в природе круговорот и хаотические передвижения множеств людей, технических средств, микробов, волею индивидуальных и политических никто не отменял). Человек должен заново учиться выживать в таком мире. Это требует определенных *сдвигов в мышлении каждого* из миллиардного населения в сторону приоритета жизненных ценностей. При этом *ответственным является каждый*, но ответственность распределяется между всеми в соответствии с властными полномочиями, профессиональными занятиями и личными возможностями человека. Еще одна особенность ситуации глобального риска выражается в том, что человек *не сможет держать ее под контролем без применения техники*, которая собственно и создала ее.

Во взаимоотношениях человека с природой стало очевидным, что нарушен естественный динамический баланс катаклизмов, что запас прочности в природе имеет пределы. На повестку дня поставлен вопрос о сохранении, лечении окружающей среды (не как о ликвидации последствий катастроф, что является заботой соответствующих национальных и международных организаций уже четверть века, а как об определяющей основе большой политики), о разработке специальных технологий безотходного производства, безопасной утилизации отходов, о социально, нравственно и онтологически взвешенных решениях о внедрении новых производств и технологий. Глобальное распространение риска отмечено по всем возможным направлениям угрозы

жизни, здоровью и имуществу человека — в любой точке земного шара он может стать жертвой финансового краха, экологического бедствия, технологической катастрофы, военного конфликта, политического произвола властей, терроризма, заражения и т.д. По большому счету в ситуации риска оказалось человечество в целом, когда обозначилась вероятность угрозы существованию человеческого вида.

В социальной и политической сферах тотальное проникновение риска связано с общим процессом глобализации социальных и политических отношений между государствами, регионами, крупными блоками и мировыми организациями. Любое решение между такими агентами действия выходит далеко за пределы их непосредственных интересов и неизбежно втягивает в его орбиту многие другие международные организации и отдельные государства. Исламские террористы, как правило, решают свои проблемы и насаждают свою истинную веру, действуя практически в любой стране, весьма удаленной от их собственной. Перестройка в СССР отозвалась повышением риска социальной нестабильности на огромных территориях с огромным населением. Решения НАТО о борьбе с антидемократическими режимами в Ираке и Югославии обернулись гибелью и материальным ущербом для многих сотен людей. И т.д., и т.п.

О глобальности риска техногенного происхождения уже говорилось — техника из вспомогательного средства труда превратилась в средство постепенного, поэтапного самоубийства человечества.

Что касается *осознания глобальности риска в мире XXI века рядовым, средним человеком*, то этот процесс еще только в самом начале. Обывателю свойственно стремление укрыться, не видеть очевидной принципиальной нестабильности мира, хотя его жизнь представляет собой неразрывное сплетение деятельности рутинной и насыщенной риском и в ней очень трудно или даже невозможно сделать выбор в пользу обыденности, ухода от опасности. Помимо индивидуального риска, в отношении которого человек сам принимает или не принимает решение об участии в нем, существует общая ситуация риска, когда невозможно представить, какая именно опасность будет в действительности ему угрожать — он может решиться воспользоваться авиатранспортом для перемещения в нужное ему место (что само по себе чревато риском: технический износ, погодные условия и пр.), но погибнуть от руки террориста, захватившего самолет, или от ракеты, пущенной по ошибке, а может быть для достижения политических целей, или по другой причине. Скорее всего человек, как и прежде, во времена войны всех против всех полагается на авось и волю божью.

Научное осмысление глобального риска также находится в начальной стадии. Главное смещение, происшедшее в связи с его искусственным, рукотворным созданием, состоит в том, что нарушился естественный вероятностный динамический баланс риска в мире, существовавший до широкого внедрения атомной энергетики, сверхскоростных средств передвижения и сверхтонкой компьютерной технологии связи. Случился Чернобыль, вероятность которого по единодушному мнению и подсчетам самых разных независимых экспертов была пренебрежимо мала. Вся защита атомных электростанций после Чернобыля пошла, среди прочего, по весьма дорогостоящему пути многоступенчатого компьютерного обеспечения управления любой штатной и нештатной ситуацией. Однако известно, что сложные компьютерные системы отличаются такой особенностью, как допуск непредсказуемости ее поведения в ходе эксплуатации. *Произошло усложнение вероятностного характера такого явления, как риск.* Это означает, что подсчет вероятности того или иного исхода любого заведомо рискованного дела недостаточен (как об этом уже говорилось в случае технологического риска). В компетенцию науки входит на данном этапе установление

критериев предельно допустимого риска (независимо от характера предпринимаемого дела: политического, технологического или другого); разработка общей концепции приемлемости риска; создание социальной технологии по выработке коллективных решений, соответствующих данному политическому моменту, данному уровню технических возможностей, данному состоянию общественного мнения и т.п.; выделение принципов перераспределения рисков и ответственности за принимаемые решения.

Все эти задачи представляют собой все ту же (столь неудачную) попытку упорядочить мир, но теперь сверххаотичный и сверхрискованный, обезопасить человеческую жизнь. Понятие «риск» приобрело статус определяющего понятия для характеристики и измерения постсовременных обществ и мирового сообщества в целом. Каковы основные ценности, институты, типы организаций, формы человеческого поведения общества риска, предстоит еще исследовать. Возможно не все из них уже выкристаллизовались, четко обозначились как отличные от ценностей и институтов модерна.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
2. Никитин С., Феофанов К. Социологическая теория риска: в поисках предмета // Социс. 1992. № 10. С. 12—127.
3. Adams J. Risk. L., 1994.
4. Douglass M. Risk Acceptability According to the Social Sciences. N.-Y., 1986.
5. Douglass M. Risk and Blame: Essays in Cultural Theory. L., 1992.
6. Giddens A. The Consequences of Modernity.
7. Luhman N. Risk: A Sociological Theory. N.Y., 1993.
8. Lupton D. Risk. L.; N.Y., 1999.
9. The Politics of Risk Society / Ed. by J. Franklin, 1998.
10. Wildavsky A., Drake K. Theories of Risk Perception: Who Fears What and Why? // Daedalus. Special Issue on Risk. 1990.